

Когда Чжао Цзи допрашивал сегодня стражников из управы Кайфэна, в его голове вспыхнула безумная мысль. Идея, которую сам он мысленно окрестил «отбросить всякую человечность» — или, проще говоря, наплевать на любые приличия и сыграть по-крупному.

Банду Денежного Листа вовсе не обязательно было уничтожать. Ее вполне можно было прибрать к рукам и мягко направлять волей императорского двора.

Если вдуматься, то банда, которую придворные сановники малевали как неодолимое чудище, состояла из обычных простолюдинов, разве что слегка обученных боевым искусствам. А для простого люда нет ничего действеннее, чем строгий поимённый учёт. Стоит взять Банду Денежного Листа под жесткий контроль, переписав каждого до единого, как они в мгновение ока склонятся перед императорской властью.

Однако Чжао Цзи жаждал гораздо большего, чем простого подчинения.

Он хотел полностью контролировать банду, но так, чтобы никто в совете министров даже не заподозрил, что за этой силой стоит сам государь.

Звучало это довольно запутанно и крайне цинично, но, если отбросить ложную скромность, план выглядел безупречно.

Разве эти упрямые старики на службе у великих кланов, способные лишь заунывно твердить: «Ваше Величество, сие недопустимо!» — не боялись цзянху именно потому, что совершенно не знали его законов?

Чжао Цзи решил выставить Банду Денежного Листа грозным, непостижимым чудовищем, вытолкнуть её на самую передовую цзянху и заставить принять на себя весь гнев и внимание знатных семей. Сам же он под прикрытием этой суматохи смог бы спокойно заняться своими делами.

Внимание человека не безгранично. Если вельможи увидят, что в Кайфэне вырос столь опасный исполин, они сплотятся против него. Чжао Цзи безумно хотел прибрать к рукам людские ресурсы Банды Денежного Листа, но при этом собирался бессовестно использовать их как живой щит.

Именно поэтому ему нужно было во что бы то ни стало обойтись без Ли Сюньхуаня.

Этот человек отличался излишней душевной чистотой, а когда его твердолобость брала верх, он становился совершенно неуправляемым. Зная его характер, Чжао Цзи не сомневался: если Ли Сюньхуань прознает правду, а великие кланы начнут безжалостно истреблять бандитов, у него непременно разыграется жалость, и он бросится их спасать, связав Чжао Цзи по рукам и ногам.

Ли Сюньхуань оставался слишком непредсказуемой фигурой, а затея Чжао Цзи была чересчур грязной. Рисковать он не мог.

Чжао Цзи потратил целый день на размышления, прежде чем окончательно выстроить эту схему.

Ему требовалось явиться к бандитам в образе представителя правящей династии, сокрушить их волю имперским величием и силой принудить к повиновению. Это напугало бы смутьянов внутри самой банды и одновременно подарило бы рядовым бойцам ложное чувство причастности к великим делам. Они стали бы считать себя тайными агентами на службе короны. В будущем эта карманная сеть соглядатаев превратилась бы в его личные глаза и уши на столичных улицах.

Сложность заключалась лишь в том, чтобы эта сеть оставалась неофициальной, а благородные кланы ни в коем случае не проведали, что Банда Денежного Листа служит императору.

Поэтому Чжао Цзи решил явить миру «потерянную принцессу из народа».

Когда эта девица приберет банду к рукам, Чжао Цзи тайно начнет раздувать её славу среди простолюдинов. Поползут слухи, будто она — незаконнорожденная дочь покойного императора, оброненная в цзянху жемчужина. В конце концов «нынешний государь», якобы уступив давлению неопровержимых улик и гласу народа, будет вынужден признать родство и официально вернуть новоявленную «сестру» в лоно семьи.

А чтобы закрепить успех, нужно будет устроить торжественное шествие, показав «народную принцессу» всему Кайфэну.

Тогда столичные соглядатаи из простонародья окончательно поверят:

«Надо же, наша госпожа и впрямь принцесса! Мы служим самому императору! Какая великая честь, предки на небесах могут нами гордиться!»

Конечно, Банда Денежного Листа состояла из болтливых смутьянов, так что слухи рано или поздно просочились бы наружу.

И когда великие кланы наконец шепотом заговорят о том, что император тайно прибрал к рукам разбойников, Чжао Цзи выйдет к ним со скорбным и тяжелым лицом. Он со вздохом поведает министрам, что его новообетенная сестра оказалась неисправимой бунтаркой из цзянху и, ко всему прочему, самовольно возглавила Банду Денежного Листа.

Для разбойников она останется высокой покровительницей из императорского дворца.

Для двора же она предстанет неуправляемой, упрямой девицей без связей и политического

веса, которую невозможно контролировать. И даже если кто-то из придворных захочет убрать её, огромная популярность среди народа до официального признания свяжет им руки. Никто не осмелится так рисковать.

После этого Чжао Цзи останется лишь сыграть еще пару спектаклей: показать министрам, как император вместе с ними пытается изолировать и обуздать строптивую принцессу.

План выходил идеальным: вымышленный образ принимает на себя сокрушительные удары молний, а Банда Денежного Листа гасит мелкие искры.

Сам же Чжао Цзи останется в глазах двора слабым, беспомощным и несчастным правителем, зажатым между коварными бунтовщиками и верными министрами.

А когда благородные кланы увидят в нем союзника против общего врага, они без опаски повернутся к нему спиной.

И тогда Чжао Цзи покажет им, как умеет работать. Своей воровской лопаткой он начнет так быстро и бесшумно подкапывать их семейные устои, что великие дома лишатся сна, сил и самого понимания реальности.

Что же касается женского обличья — его «второе лицо» должно быть настолько далеким от истинного облика императора, чтобы никому и в голову не пришло их связать. Женское платье в его нынешних условиях было самым надежным решением.

Слова Чжао Цзи о принцессе действительно ошеломили Сян Ланчоу.

Однако главарь банды хоть и был недалеким, но полным дураком себя не считал. Он не собирался верить первому встречному лишь потому, что тот назвался членом царской семьи.

Превозмогая боль, он приподнялся на ложе. Его грудь тяжело вздымалась, а дыхание вырывалось из горла с хрипом испорченного кузнечного меха:

— С чего бы... с чего бы мне тебе верить?

Чжао Цзи, заранее подготовив доказательства, небрежно достал из рукава печать из прозрачного, чистого нефрита.

На ней было вырезано имя — Чжао Шу.

Это было личное имя покойного императора Шэнь-цзуна, отца нынешнего государя. Чжао Цзи лично отыскал эту вещицу в дворцовых тайниках и припрятал на всякий случай.

Сян Ланчоу, забыв о ранах, вытянул шею, силясь рассмотреть печать поближе. Но Чжао Цзи лишь на миг показал ему драгоценный камень и тут же спрятал обратно в широкие складки одеяний.

Затем он мягким, вкрадчивым голосом повторил:

— Если отдашь мне список, я сохраню тебе жизнь.

Сян Ланчоу долго колебался, ведя внутреннюю борьбу, но наконец сквозь зубы процедил:

— Ладно. Но как ты это сделаешь?

Чжао Цзи кивнул в сторону выхода:

— Когда напишешь по памяти все имена, я передам тебя гвардейцам Юйлинь — людям Чжуймина.

Сян Ланчоу видывал предателей, но еще никогда не встречал тех, кто ломал мосты до того, как по ним пройдут. От такой наглости этой странной женщины он едва не рассмеялся, и от гнева в груди даже немного прояснилось:

— И ты думаешь, твоя нелепая затея стоит того, чтобы я отдал тебе банду, которую собирал по крупицам своими руками?

Чжао Цзи скрестил руки на груди и смерил его ледяным, презрительным взглядом:

— Своими руками? Хватит тешить себя иллюзиями. Если бы люди с Горы Белого Верблюда не помогали тебе из тени, разве такой скудоумный калека, как ты, смог бы поднять целую банду?

Сян Ланчоу от этих слов позеленел от злости и судорожно схватился за грудь, словно вот-вот испустит дух.

Лишь тогда Чжао Цзи снизошел до объяснений:

— Тебя хотят убить. И я уверен, ты прекрасно знаешь, кто именно точит на тебя зуб. Я уже сказала — я служу государству. Оказаться в руках властей — единственный для тебя способ спастись от наемных убийц. Когда все утихнет и ты будешь в безопасности, я найду возможность выпустить тебя на волю.

Сян Ланчоу взгляделся в его спокойное, уверенное лицо и почти поверил.

Но именно что «почти».

— Тьфу! — Он хитро прищурился и вдруг злобно прохрипел: — А откуда мне знать, что вся эта история — не твоя уловка, чтобы выведать у меня имена?

Чжао Цзи мысленно выругался.

«С чего бы Нам потакать твоим глупым капризам?»

Должно быть, за время правления Чжао Цзи слишком привык к безраздельной власти, а может, его прошлая жизнь вечно перегруженного работой служащего лишила его всякого терпения к наглым выскочкам. Как бы то ни заманчиво звучали его прошлые речи, теперь он не собирался больше терпеть чужую спесь.

Разбойник явно поверил ему почти до конца, но все еще пытался вести игру. По его бегающему, полному алчности взгляду было ясно: этот негодяй, еще не выбравшись из могилы, уже метил в благородные покровители и пытался выторговать для себя побольше выгоды, прикрываясь своим жалким списком.

— Ну тогда подыхай здесь, — сухо бросил Чжао Цзи, развернулся и решительно направился к выходу.

В любой банде помимо главаря всегда найдутся его помощники. Сян Ланчоу был удобной фигурой, но далеко не единственной. Неужели он думал, что сможет диктовать свои условия императору?

Главарь Банды Денежного Листа никак не ожидал, что гостя уйдет столь легко и уверенно, даже не обернувшись на пороге.

Он окончательно растерялся.

«Постой, разве мы не торгуемся? Ну предложи хоть что-то! Как ты поймешь, что я откажусь, если даже не попытаешься сбить цену?! Вернись!»

От испуга он зашелся в яростном, лающем кашле. Задыхаясь и отплевываясь кровью, Сян Ланчоу хрипло закричал вслед:

— Вернись! У меня есть весь список! Я спрятал его в надежном месте! Спаси меня — и я скажу, где он!

<http://bllate.org/book/18987/1959741>